

— Чёрт возьми!

Резкое торможение произошло слишком быстро. Первой реакцией Цао Лия было защитить дочь, из-за чего ее сумка через плечо упала на пол, и её содержимое с грохотом рассыпалось по всему салону.

Тун Ибо поспешно нагнулась, помогая Цао Лия собрать вещи.

Обладая хорошим зрением, она быстро собрала и протянула Цао Лия розовый пластиковый стаканчик, бумажные салфетки, вазелин, детские умные часы и довольно старое зеркальце.

— Спасибо, спасибо, — непрерывно благодарила Цао Лия, спешно открывая и проверяя, не разбились ли вазелин и зеркальце, а затем затолкала всё обратно в рюкзак.

Тем временем на другом конце салона, едва Се Шэн поднялся на ноги, как несколько человек уже рванули к передней и задней дверям.

Они изо всех сил колотили в двери, пытаясь вырваться наружу, но снаружи словно вплотную прилегала стена. Сколько бы люди ни налегали всем скопом, тонкие двери автобуса даже не шелохнулись.

Ещё один мужчина осторожно перешагнул через груды костей на полу, заскочил в кабину водителя и попытался сработать кнопкой открытия дверей.

Всё так же никакого отклика.

Се Шэн поднялся и подошёл ближе.

Увидев его, столпившиеся у дверей люди естественным образом расступились, давая дорогу в надежде, что он сможет что-нибудь обнаружить.

Се Шэн поднял руку и приложил ее к дверному полотну.

Как и остальные, он не мог её вытолкнуть.

Тогда Се Шэн опустил взгляд на пространство за дверью и нажал [Ctrl+U].

Его материальная палка-нижнее подчёркивание возникла снаружи.

— Ох!

— Это...?!

Толпа глазевших вокруг издала изумлённый возглас: предмет, использованный Се Шэном, появился за дверью, а значит, снаружи безопасно.

— Мастер, эта дверь... её можно открыть? Если мы выйдем её, то сможем выйти, да? — поспешно спросил Се Шэна мужчина среднего возраста.

Се Шэн ничего не ответил.

Я не мастер, я студент.

К тому же палка создана способностью, и он не мог гарантировать, что человек не умрёт,

шагнув в эту тьму.

Но стоявший рядом другой плешивый мужчина распалялся ещё сильнее:

— Автобус кое-как остановился! Давайте навалимся и выбьем её вместе! Если он снова поедет, вы что, дальше хотите кататься?!

Эти слова «озарили» всех вокруг. Не заботясь о том, дал ли Се Шэн согласие, они попытались потащить его за собой ломать дверь.

Площадь дверей была маленькой, все в спешке толкались и невольно начали задевать Се Шэна.

У Се Шэна сработала брезгливость, и он тут же отступил назад, освобождая место.

Заодно он произнёс:

— Я не уверен, выживет ли человек, если выйдет наружу.

Толпа, ломившаяся в дверь, единодушно замерла.

Однако плешивый мужчина снова заладил:

— В автобусе сидеть — так тут монстры, а выберемся наружу — появится хоть шанс на спасение! Почему бы не попытаться?!

Се Шэн: ...

Ну и ладно.

Добрый словом не отговоришь того, кому суждено сдохнуть.

Поэтому он больше не стал тратить слова.

Се Шэн не стал смотреть на толпившихся у дверей людей, а нашёл место и сел.

Внезапно.

Мужчина, шарившийся в кабине водителя, издал испуганный вопль:

— А-а! Т-там призрак..!

Се Шэн проследил за его взглядом и увидел, что педаль газа в автобусе вдруг сама по себе ушла в пол.

— Гр-р-р!

Автобус медленно тронулся, а затем плавно и уверенно покати́л вперёд.

— А-а-а!!!

— Почему так...

Никто не знал, почему он вдруг сам остановился и почему снова поехал.

Как никто не знал и того, куда именно он держит путь.

По салону прокатилась волна вздохов и стенаний: кто-то дрожал, откинувшись на сиденье, кто-то закрывал лицо руками и плакал.

Это ощущение, когда «подарили надежду и тут же её растоптали», выносить было слишком тяжело.

Оно давило сильнее, чем прямой смертный приговор.

Многие из тех, кто безрезультатно ломился в двери, теперь бессильно осели на пол. Се Шэн, будто о чём-то подумав, направился к ним.

— Ты...

Сбоку раздался голос того самого плешивого мужчины:

— Ты почему только что помешал нам ломать дверь?! Если бы не твое промедление, может, мы бы её уже вышибли!

Се Шэн: ?

Что за гениальная логика.

Но ещё гениальнее было то, что хоть их и было немного, пару-тройку мужиков лет сорока-пятидесяти действительно поддакнули:

— Да... и правда, такого огромного монстра он голыми руками прогнал, они случайно не за одно?

— Он даже смог вытащить палку за дверь, точно знает кучу подноготной. Может, это и правда какое-то шоу, а он нас тут держит и не даёт уйти?

— Вот-вот, и тот монстр, и его палка — просто реквизит, сработали по указке, чтобы нас запугать!

Услышав поддержку, плешивый мужик мгновенно проникся собственной правотой, подскочил и даже с силой толкнул Се Шэна в плечо:

— Эй, мы с тобой разговариваем! Что за дела?! Почему не выпускаешь людей?!

Се Шэн: ??

Болен — иди лечись, на меня-то зачем бешенство срывать.

Се Шэну было лень связываться, но плешивый, видя, что тот молчит, посчитал его тьюфом и протянул руку, намереваясь схватить Се Шэна за воротник.

И ровно в тот миг, когда кончики его пальцев вот-вот должны были коснуться Се Шэна, внезапно...

— БУМ!

Раздался глухой хлопок. Прямо рядом с плешивым, посреди той самой группы самых разговорчивых мужиков, словно взрывчатка, разлетелся железный поручень. Металлические осколки брызнули во все стороны, с треском и звоном осыпав их с ног до головы.

Они не были острыми и никого не ранили, но эта жуткая сцена всё равно перепугала их до полусмерти — все застыли с выпученными глазами и побелевшими лицами.

Плешивый тоже замер на месте как вкопанный, не смея больше выдать ни звука.

Се Шэн поднял глаза и через весь салон встретился взглядом с Му Дье.

Тот привычно прищурился и улыбнулся.

Се Шэн: ...

Ему-то самому было всё равно, ведь он всегда придерживался мудрого правила: «В мире так много людей, надо давать право на существование и дуракам».

Кто же знал, что этот босс S-ранга, казавшийся абсолютно безучастным, внезапно решит применить одарённость ради справедливости.

И раз дураков заткнули силой, тем меньше забот.

Поэтому Се Шэн окончательно забил на окружающих и напрямую подошёл к передней двери.

Он опустил голову, взгляделся во тьму за дверным полотном и снова нажал [Ctrl+U].

Однако на этот раз его материальная палка-нижнее подчёркивание снаружи не появилась.

Не то чтобы её поглотила тьма — она просто не смогла создаться.

...Будто эта густая тьма за окнами превратилась в плотную, вязкую жижу, наглухо и без единой щёлочки облепившую весь автобус.

Нет.

Свет всё же мог проникать.

В голове Се Шэна мелькнула картина.

Когда из тела Е Гоюаня родился монстр, за окном на мгновение вспыхнул свет.

Он слегка нахмурился.

Значит, эта тьма — далеко не просто визуальный эффект.

Когда машина стояла, её не было, а стоит поехать — появляется.

...Чем же она может быть?

В разуме едва успело что-то промелькнуть, и ровно в тот момент, когда Се Шэн готов был ухватить эту мысль...

Вдруг.

Хруст, хруст...

В тишине салона отчётливо и чужеродно раздался странный звук.

До боли знакомый.

Се Шэн резко обернулся.

И среди взрыва удушающих криков он увидел, как у Цао Лия, которая только что бойко болтала о сплетнях, прямо по центру головы расползается трещина.

Точно такая же картина.

Невидимый топор, начав с самого центра её темечка, медленно, но глубоко и беспощадно рассекал её сверху вниз.

Выражение в её глазах застыло на мгновении дикого ужаса, отчаяния и полного непонимания.

В следующую секунду её глаза разъехались в разные стороны.

Левый глаз пополз влево, правый — вправо.

Затем лоб, переносица, губы, шея...

Всё её тело вдоль этой линии окончательно распахнулось надвое.

Зрачки Се Шэна сузились, палка уже сжала ладонь.

Потому что следующим шагом будет появление монстра.

И действительно.

Из нутра распахнувшегося на две половинки человеческого тела медленно поднялась...

Туша, сплошь покрытая ртами.

Невысокая, чуть больше метра, но на этой розоватой плоти было не сосчитать сколько ртов.

Некоторые рты принадлежали взрослым, некоторые — детям, у иных были кривые или напрочь испорченные кариесом зубы.

Однако без исключения ни один из этих ртов не закрывался — все они непрерывно двигались, шевелились, бормотали.

Весь салон заполнил плотный, зудящий шёпот, подобный рою насекомых, ползающих по барабанным перепонкам.

— Бэээ...

— Что это, мать его... такое?!!!!

— Спа... спасите!

— Молю, Амиабха, Амиабха, Иерусалим, пусть хоть какой-нибудь бог спасёт меня...

Пассажиры, оказавшиеся рядом с монстром, в панике бросились в рассыпную, повсюду раздавались крики и вопли.

Но Тун Ибо, только что окончившая институт и переведённая в штат, сидела на внутреннем

сиденье рядом с Цао Лия. Хотя в момент внезапной аномалии она ловко выхватила из рук Цао Лия маленькую девочку, сейчас она оказалась зажата в этом крошечном уголке и физически не могла выбраться.

Она крепко прижимала к себе малышку, ее губы шевелились, но от дикого страха она не могла выдать даже тихого писка.

Она не знала, видит ли её эта покрытая ртами туша и собирается ли её убить.

Тун Ибо зажмурилась: у нее не хватало духу встретить собственную смерть лицом к лицу.

Но когда закрываешь глаза, обостряются остальные чувства.

Она ощущала тухлую вонь, исходившую от не умолкавших ртов — густой, кисловатый запах желудочного сока, волнами разносившийся по этому убогому пятчку.

Точь-в-точь такой же изо рта Цао Лия при жизни, когда та болтала без остановки.

Се Шэн волоча за собой палку, шагнул к ним.

В то же время он присмотрелся и повернул голову, уловив за окном лучик света.

Опять та же трещина во тьме, возникающая после того, как из трупа рождается монстр.

Се Шэн занёс палку, но не стал брить с плеча.

Потому что заметил: этот монстр, похоже, не проявляет агрессии к людям.

Рты по всему его телу просто непрерывно говорили, говорили и говорили без остановки.

Слова становились всё чётче: если вначале это был бессвязный бред, похожий на сон, то теперь и Се Шэн, и Тун Ибо отчетливо слышали всё.

— А Лю из бухгалтерии-то! На карте деньги на первоначальный взнос за три квартиры лежат, а сама каждый день причитает, что поесть не на что.

— А вы знали? Тот тип из отдела маркетинга — на самом деле родственник босса, иначе его бы давно уволили!

— Бухгалтер Сун сошлась с клиентом, я их пару дней назад в торговом центре застукала.

— Вы думаете, менеджеру Ли повышение за показатели дали? Да она с замгенерального вместе в фитнес-клуб ходит!

Сплошные сплетни, всевозможные слухи — вся компания была словно прозрачная паутина, и Цао Лия вытаскивала наружу чужое грязное бельё.

Пережёвывая обрезки чужих жизней, она со смешком перемывала всем косточки.

Тварь полностью погрузилась в свое «искусство», треща без остановки — казалось, если она не выплеснет все тайны, что знала, то просто не сможет жить.

— Я в тот день слышала, я в тот день слышала! Во время того тимбилдинга Е Гоюань и Янь Цин подменяли друг друга за рулём. Когда они выходили отлить, они тоже её видели... тоже видели

ту девушку... Так что не я одна ничего не сделала... Я тогда так перепугалась! Вы посмотрите, двое взрослых мужиков — и те ничего не предприняли...

Внезапно все эти рты, словно в многоголосном ансамбле, в один голос затянули эту единственную фразу.

Голоса наложились друг на друга, многократным эхом отдаваясь по салону.

Се Шэн чутко уловил, что это ключевая зацепка к аномальной области. Он вдумчиво вслушивался, как вдруг сбоку раздалось слабое:

— Мама...

Маленькая девочка на руках у Тун Ибо от страха и хаоса инстинктивно протянула ручонку, пытаясь найти Цао Лия.

К тому моменту, когда Тун Ибо опомнилась и распахнула глаза, пальчики ребёнка уже коснулись одного из ртов.

Девочка, видимо, решила, что это губы Цао Лия, приложила к ним мягкую ладошку и снова позвала:

— Мама...

В то же мгновение произошла резкая перемена.

Только что бубнивший сам с собой монстр вдруг всеми ртами затих.

За короткой паузой последовал оглушительный, пронзительный визг из всех глоток разом!

— С чего это ты не даёшь мне говорить?! Мне и так в жизни хреново досталось, с какого перепугу ты лишаешь меня права голоса?! С чего бы это?!

— Сдохни! Сдохни, сдохни, сдохни, сдохни, сдохни, сдохни, сдохни, сдохни!!!

Сработало аномальное помешательство.

Этот вопль обладал дикой проникающей способностью: у находившихся ближе всех Се Шэна и Тун Ибо мозги отозвались игольчатой болью, в ушах потеплело, и наружу хлынула кровь.

Все вокруг судорожно зажали уши, весь салон погрузился в хаос.

Се Шэн сработал молниеносно: едва кровь потекла из ушей, его палка от [Ctrl+U] рванула вперёд и со звонким «БУМ» вышибла тварь прямо в окно.

Маленькая щель во тьме, сквозь которую просачивался свет, тут же затянулась, будто её и не было.

Се Шэн прижал руку к уху.

Этот визг не нес в себе ментальной скверны, просто от резко подскочивших децибел убойная сила оказалась внушительной.

Переждав немного, пока в голове перестанет гудеть, он спросил у Тун Ибо:

— Как ты?

Тун Ибо от боли заливалась слезами, но всё же покачала головой:

— Я в порядке... По крайней мере, ещё слышу, что вы говорите.

Она горько ухмыльнулась:

— Главное, чтобы без последствий обошлось.

Се Шэн:

— Обойдётся без последствий.

Хотя Тун Ибо и не понимала, отчего он так уверен — ведь барабанные перепонки всё ещё пронзало дикой болью, — но раз босс сказал, значит, надо верить.

Вытирая текущую из ушей кровь, она тяжело вздохнула:

— Ну и славно... Спасибо вам. Если выберусь домой живой, это будет неповторимый опыт.

Но в следующую секунду Тун Ибо осознала огромную проблему.

Просто огромную.

— Э-э-э...

Она указала на девочку на руках с трудным выражением лица:

— А с ней... что делать-то?..

Мать умерла, а дочь осталась.

К тому же...

Се Шэн протянул руку и помахал перед глазами малышки.

Девочка никак не отреагировала.

Оказывается, она ещё и слепая.

Немудрено, что когда Цао Лия превратилась в монстра, та тянула ручки, пытаясь наощупь найти маму.

Се Шэн промолчал пару секунд: в подобных делах, касающихся людских взаимоотношений и проявления сочувствия, он был абсолютно не силён.

Единственное, что он смог сказать Тун Ибо:

— Присмотри пока за ней, когда выберемся, этим займётся кто-нибудь другой.

Тун Ибо почесала затылок.

Только-только окончила стажировку и перевелась в штат, после работы опять пришлось работать, да ещё и обязанностей няньки прибавилось.

Ей оставалось лишь кивнуть:

— П-поняла.

Как и в случае с Е Гоюанем, после того как монстр зародился, само тело Цао Лия исчезло.

Кровь стекала по ушной раковине прямо на шею, окрасив белый воротник Се Шэна с обеих сторон в алый цвет.

Словно ни в чём не бывало, он взял бумажную салфетку, просунутую кем-то из добросердечных пассажиров, кое-как вытер кровь и сел на сиденье позади Тун Ибо.

А затем спросил у неё:

— Что Цао Лия делала перед смертью?

— А, — Тун Ибо изо всех сил попыталась вспомнить. — Она... да ничего такого не делала, просто болтала без остановки.

Вспомнив обсыпанного ртами монстра, Тун Ибо немного изменилась в лице, но продолжила:

— Сначала ты спросил про Е Гоюаня, и она начала рассказывать про него. Потом без конца сплетничала про остальных, а затем автобус резко затормозил, и её сумка упала на пол. Я и тот иностранный паренёк помогли ей собрать вещи. Она их убрала, потом ты подошёл посмотреть на дверь, а она в это время больше не сплетничала, только наводила порядок в сумке и успокаивала дочь. Вот и всё, а потом её просто разверзло.

Се Шэн:

— Где её сумка?

Тун Ибо поспешно указала пальцем.

Се Шэн взял сумку.

Стаканчик для воды, бумажные салфетки, вазелин, детские умные часы, зеркальце, кошелек для мелочи, кусачки для ногтей, просроченный корешок билета в кино, их совместная фотография с дочерью...

Сплошь мелкие, самые обычные вещи.

К тому же Е Гоюань перед смертью не перебирал свои вещи.

Значит, действие «взять сумку» вряд ли было условием смерти.

Се Шэн тщательно прокрутил в голове поведение Е Гоюаня перед гибелью и обнаруженное им единственное сходство: они оба прямо или косвенно причиняли вред другим людям.

Е Гоюань матерился и ругался, Цао Лия распускала сплетни и перемывала косточки.

Могло ли это быть условием смерти?

Звучало довольно логично.

Е Гоюань перед смертью излил гендерную желчь на Цао Лия и Тун Ибо, и родившийся из него монстр отразил его внутреннее отношение к сыновьям и дочерям.

А монстр, порождённый Цао Лия, был напрямую связан с её сплетнями — всё его тело покрывали рты.

Как и Тун Ибо, Се Шэн изначально тоже думал, что Цао Лия — бесхребетная добрячка: любит дочь, держится осторожно, боится сказать лишнее слово, типичный неконфликтный тип на работе.

Впрочем, мягкотелость и любовь к сплетням ничуть не противоречат друг другу.

В каком-то смысле эти две черты — две стороны одной медали.

Внешне покоряешься, терпишь обиды и гнёт, а единственный способ сбросить пар — крепко запечатлеть в памяти чужие тайны и сплетни, чтобы «отомстить» обидчикам и утешить себя.

Се Шэн поднялся на ноги.

Как бы то ни было, «прямое или косвенное причинение вреда другим» оставалось наиболее вероятным условием смерти.

Даже если это не так, вреда от такой догадки всё равно не будет.

Се Шэн только собрался попросить Тун Ибо предупредить пассажиров в салоне, чтобы те избегали подобного поведения, как вдруг...

— Хруст, хруст...

На этот раз звук раздался из самой задней части салона.

В предпоследнем ряду, прямо перед Се Шэном, тот самый молодой муж из пары внезапно забился в странной судороге.

Его тело сводило конвульсиями, зрачки закатились вверх, а затем... прямо от центра темечка его голова медленно расползлась надвое.

— А-а-а!!

Его жена издала жалобный, раздирающий душу крик и, точно безумная, вцепилась в его руку:

— Не надо! Не надо, не надо!! Сунь И, не умирай! А-а-а!!!

Но, очевидно, остановиться это уже не могло.

Тело Сунь И под её надрывный плач окончательно распахнулось на две половинки.

Крик девушки рвал сердце, но буквально через пару секунд её голос оборвался, словно его пережали на корню.

То был ужас, лишивший её речи.

Её зрачки расширились, всё тело охватила дикая дрожь, и она, перебирая руками и ногами, попятилась назад:

— Не... не подходи...

Монстр, выбравшийся из распахнувшегося тела, вызывал ещё больший приступ трипофобии, чем предыдущая туша, покрытая ртами.

Потому что всё его тело состояло из монетных отверстий.

Медные монеты громоздились друг на друга, круглые отверстия усыпали плоть — туловище сплошь состояло из наложения древних монет.

И каждое из этих отверстий, точно плотный рой глаз, пристально вглядывалось в окружающий мир.

— Дай денег.

Голос раздался неизвестно из какого органа — утончённо-пронзительный, с многократным эхом, заполнявший весь салон.

Слой за слоем, раз за разом, подобно накатывающим на берег волнам.

— Дай денег.

— Дай денег.

— Дай денег.

— Дай денег.

— Дай денег.

— Дай денег.

На этот раз Се Шэну даже не пришлось вмешиваться: кресло, находившееся ближе всего к монстру, внезапно взмыло вверх и, скопировав гигантский замах для игры в гольф, со звонким «ПА!» выбило монетного монстра прямо в окно.

Се Шэн успел сделать «посмертное фото» перед тем, как монстр вылетел, взглянул на Му Дье и сразу же подошёл ближе.

Девушка тут же преградила Се Шэну дорогу, рыдая и дрожа всем телом:

— Брат... брат, ты можешь его вернуть? У него даже тела не осталось, он ведь ещё жив, правда?

Се Шэн опустил глаза.

Девушка действительно была убита горем: по её взгляду и выражению лица читалось, что она не в силах принять происходящее.

...Умереть так жутко и неестественно, да ещё и не оставить после себя даже трупа.

Но Се Шэн прекрасно понимал: внутри аномальной области не то что обычные люди — даже одарённые поглощаются без остатка.

Если только нет кого-то, кто способен обращать вспять жизнь и смерть или отматывать время

назад.

К сожалению, здесь таких не было.

Се Шэн промолчал несколько секунд. Он и так не умел справляться со сценами чужих чувств, а уж утешать людей и подавно не брался.

Се Шэн погладил запястье, повернул голову и произнёс Му Дье:

— Помоги.

Хотя это была всего лишь аномальная область С-ранга и подобное казалось стрельбой из пушки по воробьям, но для одарённого S-ранга из GEMA совсем не прикладывать усилий было бы некрасиво.

Му Дье с готовностью согласился:

— Хорошо.

Он поднялся с места, подошёл и произнёс:

— Сестра, тут дело не в том, может ли он решить этот вопрос. Ты сначала успокойся, а мы попытаемся что-нибудь придумать, ладно?

Тон Му Дье оставался неизменно мягким: пусть Се Шэн и знал, что перед ним мужчина, но даже сквозь модулятор голоса слышались глубокое участие и нежность:

— К тому же этот чертовский инцидент ещё не закончился, нам надо сначала подумать, как обеспечить безопасность тебе и остальным.

Девушка, пребывая в глубоком ужасе и горе, приоткрыла рот, но так и не смогла вымолвить ни звука.

Се Шэн попытался скопировать тон Му Дье, чтобы тоже утешить её:

— Да. Мы должны обеспечить твою безопасность, поэтому скажи, ты помнишь, он перед смертью кого-нибудь ругал, бил или, может, говорил о ком-то гадости?

Неизвестно, задело ли девушку слово «смерть», но от этой фразы Се Шэна её эмоции окончательно вырвались из-под контроля.

Слёзы хлынули градом, голос задрожал:

— Нет! Мы с ним с младшей школы знакомы! Он очень добрый человек, никогда ни о ком за спиной плохого слова не сказал, и только что ничего такого не было, вообще ничего!! Он всё время копил деньги, чтобы жениться на мне, чтобы подарить мне лучшую жизнь, он лучший человек на свете!!!

Она говорила всё быстрее, её голос сорвался на хрип:

— Он никого в жизни не обидел! Почему с ним такое произошло?! У-у-у-у... я тоже не хочу жить...

Се Шэн: ...

И то утешения, и это попытки позаботиться о её безопасности, да только почему слова Му Дье не задевали её, а его собственные дали ровно противоположный эффект?

Неужели всё дело в том, что тот красивее?

Непонятно.

Он почесал затылок.

Се Шэн решил замолчать.

Му Дье взглянул на него, слегка покачал головой, давая понять, что сам продолжит разговор.

Он обнял девушку за плечи и усадил на соседнее кресло:

— Я знаю, мы всё знаем. Давай пока не будем думать об этом, ладно? Посмотри на меня, давай сосредоточимся на нас самих. Нам нужно сначала выбраться отсюда живыми.

Но горечь девушки оказалась слишком сильна, её плач внезапно стал громче, зазвенев отчаянной обречённостью:

— Нет, я не хочу жить! Я не могу этого принять... не могу принять мир без него... Мы уже почти обручились, как мне жить дальше? Я правда не хочу жить...

Она вся сжалась в объятиях Му Дье, мёртвой хваткой вцепившись в его рукава.

В салоне воцарилась тишина, даже воздух стал тяжёлым.

Многие поддались эмоциям девушки, у них сдавило грудь от щемящей боли.

Смерть первых двух человек была слишком дикой, слишком нереальной, точно происходила в абсурдном сне, но теперь всё изменилось.

Парень этой девушки умер, и эта скорбь с отчаянием были самыми что ни на есть настоящими. Это заставляло остальных поневоле задумываться: а что, если следующим умрёт кто-то из них? Не окажутся ли их близкие столь же беспомощными и раздавленными?

Этот страх и горе бесшумно расползались по всему салону.

Всхлипы девушки продолжали колоть нервы окружающих.

Му Дье смотрел на неё, в глубине его глаз мелькнула жалость, и он тихо вздохнул:

— Сестра, я понимаю тебя, я сам такой же.

Девушка обомлела и подняла заплаканные глаза.

Голос Му Дье звучал совсем тихо, словно он рассказывал о давней трагедии, впившейся прямо в кости:

— Я прошёл через множество подобных аномальных событий, жизнь и смерть для меня — обычное дело. Но... знаешь, мой любимый тоже умер прямо у меня на руках. Кровь без остановки хлынула из его груди, я зажимал рану руками, но как ни старался — не мог остановить её... Я чувствовал, как его тело шаг за шагом остывает. Я никогда не забуду эту

картину. И тогда у меня были ровно те же мысли, что и у тебя сейчас.

Сказочно красивая девушка рассказывала о сказочно романтической трагедии, от чего у пострадавшей на мгновение возникло ощущение нереальности происходящего.

Её дыхание сбилось:

— И ты... ты тогда...

— Тогда я думал то же самое, что и ты, — Му Дье посмотрел ей прямо в глаза, а уголки его губ исказила едва заметная горькая усмешка. — Я тоже считал: раз он умер, какой мне смысл жить дальше? Я ничего больше не хотел делать, ничего не хотел видеть, а только последовал бы за ним.

Девушка бессознательно схватила его за руку, будто жажда дослушать:

— Да... я тоже, я тоже...

Му Дье смотрел ей в глаза, чеканя каждое слово:

— Но только потом я понял: если я правда уйду, тогда всё окончательно закончится. Никто не сохранит память о нём за меня, никто не помнит, как именно он погиб. Если ты сейчас уйдёшь, твоя история, ваша совместная история, твоя боль, твой гнев... просто уйдут вместе с тобой в землю.

Плач девушки стал немного тише, хотя слёзы всё ещё капали.

Му Дье медленно сжал её ладонь, словно вытягивая её из пропасти:

— Так что, сестра... искать смерти проще всего. Но если ты хочешь помнить о нём не дать ему кануть в забвение, если хочешь, чтобы ваши воспоминания и цели продолжали жить, ты должна жить сама. Только у живых есть шанс хоть что-то сделать.

Се Шэн: ...

Мда.

Похоже, этот браток не просто любитель переодеваться в женское, он ещё и тот ещё актёр-романист.

Если бы Цзи Аньпин между делом не обмолвился, что Му Дье отроду ни с кем не встречался, он бы сам уже проникся его актёрской игрой и этой трагичной историей.

Впрочем...

Девушку его слова и впрямь тронули: хоть взгляд её оставался пустым и печальным, плач постепенно утих, сменившись тихими всхлипами.

Раз Му Дье смог привести её чувства в норму, то и расспросы можно переложить на него.

Се Шэн окинул взглядом людей и сел на первое попавшееся свободное кресло.

Мин через пятнадцать к нему внезапно подошла та самая секретарша-бухгалтер.

На её лице всё так же застыло неловкое напряжение, и она слегка дрожащими руками протянула Се Шэну свой телефон.

Се Шэн взял его и посмотрел на экран.

На чёрном фоне светилась строка белых букв: [Она правду говорит, тот парень был молчаливым, не говорил ни о ком гадостей и ни с кем не конфликтовал. С тех пор как попал в аномальную область, он всё время успокаивал свою девушку. Позже, может, чтобы отвлечься, немного посидел в телефоне: поиграл в «три в ряд» и посмотрел фотографии.]

Смотрел в телефон?

Эта бухгалтер тоже без конца смотрит в телефон.

Это не может быть условием смерти.

Может, он отправил кому-то злое сообщение?

Нет.

Се Шэн тут же отбросил эту мысль, ведь внутри аномальной области нет никакой связи.

Он слегка нахмурился.

Судя по всему, всю его предыдущую теорию относительно [условия смерти] придётся полностью перечеркнуть.

Се Шэн ненадолго замер.

Он оглянулся: Му Дье всё ещё успокаивал ту девушку.

Будто почувствовав его взгляд, на экране телефона выскочила новая строка: [Общаемся текстом.]

О.

Тогда Се Шэн напечатал: [В аномальной области закономерностного типа условием смерти может быть произнесение какого-то конкретного иероглифа или слова?]

Словно бегущая строка, на экране высветилось: [Вероятность крайне мала.]

[Условие смерти обычно связано с историей, эмоциями, свойствами и способностями главной аномалии.]

Се Шэн: [Угу.]

До этого он и сам додумался.

Се Шэн снова спросил: [Когда он играл в телефон, было ли в его поведении что-то ненормальное? Или непривычное?]

Му Дье: [Нет.]

Му Дье: [Но я бывал во множестве аномальных областей закономерностного типа, поэтому у

меня есть примерное представление о временном отрезке от срабатывания условия смерти до самой гибели. Если отматывать назад от момента его смерти, есть одна деталь, на которую стоит обратить внимание.]

Се Шэн: [Какая?]

Му Дье: [Так как связи тут нет, он какое-то время удалял фотографии, а потом случайно переключился на камеру. Повернул объектив на себя и использовал телефон как зеркало, рассматривая прыщи на лице. Ещё сказал своей девушке, что в последнее время печень барахлит, надо меньше ходить по банкетам и пить.]

Это и впрямь не назовешь странным поведением.

Некоторые однокурсницы Се Шэна, если под рукой не оказывалось зеркала, поступали точно так же. Но раз уж Му Дье указал на этот момент времени, обратив внимание именно на это действие...

Стоп!

Се Шэн резко поднялся на ноги.

Он крупными шагами направился в переднюю часть салона.

[Использовал телефон как зеркало.]

В сумке Цао Лия тоже было зеркало.

При резком торможении её сумка упала на пол, и, подняв её, она первым делом открыла и проверила, не разбилось ли зеркало.

А Е Гоюань...

Се Шэн подошёл к сиденью, на котором перед смертью сидел Е Гоюань, опустился на одно колено и принялся искать.

Окружающие не понимали, что он делает, но осознавали, что он — их единственная «надежда» выбраться отсюда, поэтому хранили тишину и не мешали ему.

Се Шэн вытянул руку и стал шарить вокруг, пока неожиданно его пальцы не наткнулись на какой-то предмет.

Он достал его.

Это была зажигалка Zipro.

Е Гоюань, после того как безрезультатно побился в двери салона, на нервах закурил от этой зажигалки.

Се Шэн активировал способность и посмотрел сквозь рамки HUD.

Чтобы не встретиться взглядом с зеркалом напрямую.

Но вглядываться особо и не потребовалось: едва зажигалка оказалась в руке, ему всё стало ясно.

Дорогая серебряная зажигалка без единого узора, со штрихованной хромированной поверхностью, гладкой, как зеркало, в которой отчётливо отражается чьё-либо лицо.

Е Гоюань сквозь поверхность Zipro встретился взглядом с самим собой.

Цао Лия сквозь зеркальце встретила взглядом с самой собой.

Сунь И сквозь фронтальную камеру телефона встретился взглядом с самим собой.

Вот оно. Вот каково условие смерти в этой аномальной области.

А затем их тело рассекалось надвое, и из трупа выбирался монстр, родившийся словно из зеркального отражения их самой сокровенной, скрытой стороны.

Се Шэн открыл сохранённые снимки.

Череп-монстр, считающий сына гордостью, а дочь — обузой; с благоговением прижимающий мальчика к груди, а девочку, точно порванную куклу, волочащий за собой по земле.

Невзрачная туша, покрытая ртами, без конца болтающая, сплетничающая и пережёвывающая чужие мелкие грешки.

Скупой скряга, увязший в монетных отверстиях и сам превратившийся в гору монет.

Ха.

И как их вообще можно называть монстрами?

Это всего лишь человеческие слепые зоны, обретающие плоть.

<http://bllate.org/book/20635/2086518>